

РЕЦЕНЗИИ

Péter Mihály, "Pár tarka fejezet csupán...": Puskin "Jevgenyij Anyegin"-je a magyar fordítások tükrében. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999, 231 p.

Рецензируемая книга профессора Будапештского университета Михая Петера *"Собрание пестрых глав...": "Евгений Онегин" Пушкина в зеркале венгерских переводов* – один из значительнейших вкладов в дело венгерской русистики за всю полувековую историю нашей науки. В методологическом отношении ее значение выходит далеко за пределы одной лишь русистики: весьма немногие художественные произведения иностранной литературы удостоились на нашем языке четырех переводов, с одной стороны, а с другой – труд их переложения – анализа такого высокого научного уровня.

Ни один из переводчиков не прибегал к помощи языка-посредника. Первый перевод (1866), сделанный сподвижником Ш. Петёфи Кароём Берци, выдержал в течение 90 лет 21 издание. Ученый-филолог Гедеон Месёй (1945) переводил в стиле венгерского национального классицизма. Текст Лайоша Априли (1953) – полноценный поэтический труд. Последний перевод (1992) – работа прошедшего ад ГУЛАГа Арпада Галгоци, вынесшего отсюда прекрасное знание русской поэзии, является достойным соперником своих предшественников. Благодаря их трудам роман в стихах А.С. Пушкина давно стал органической частью венгерской литературы. "Пушкина я читал по-венгерски, но – понимал его" – писал много лет назад большой прозаик Шандор Марай.

Автор поставил своей **общей** целью не "соревновательный" обзор труда "четверки" с обязательным объявлением результата в конце: ведь переводчики, как он пишет, вступают в след друг другу, создают свои тексты как бы на плечах друг у друга, т.е. каждому помогает достигнутое предшественниками. Цель автора монографии – помочь лучшему пониманию пушкинского шедевра. Удачно сравнение М. Петером своего метода с томографией, создающей пластический снимок отдельных слоев изучаемого предмета: и он так стремился выявить наиболее удачные решения каждого из рассматриваемых переводчиков.

Что касается **частных** целей, у автора мы их различаем две: как ученый-филолог он предлагает современное прочтение произведения путем подробного сопоставления всех четырех переводов (рецензент признается: при своем уже многолетнем активном, преподавательском знакомстве с "объектом" и он почерпнул для себя из этого тонкого, многостороннего разбора немало нового, ранее совсем не или не так замеченного), а как педагог стремится пробудить потребность в более глубоком, чем это наблюдается у нынеш-

них студентов, интеллектуальном и эмоциональном восприятии поэтического произведения.

В центре интереса М. Петера стоит главный поэтический принцип самого произведения: он рассматривает то, как в отдельных главах, сценах и даже строфах меняются ракурсы и "точки зрения", как проявляется динамика стиля, с каких различных, порой и противоположных позиций освещаются события и явления, как традиционный литературный канон сталкивается с естественным изображением действительности, и как при всем этом модулируется тон самого поэта-рассказчика.

Осуществлению этого принципа служит и композиция книги. В каждой из 6 глав мы находим "сквозной" материал из всего романа. Образ Онегина (1 глава), Татьяны (2-я), разбор двух писем (3-ья), модуляции голоса поэта-рассказчика (4-я), трактовка пейзажей, времен года и суток (5-я), триединство "волшебных звуков, чувств и дум", представленных на уровне звучания, словоупотребления и синтаксиса (в 6-й) – все это получает на страницах книги вдумчивое и тонкое освещение.

А то, что при этом на вооружении автора мы находим весь арсенал русской и венгерской пушкинистики, разнообразные приемы современной лингвистики и теории перевода, что он охватывает русскую литературу от Карамзина до Маяковского, а также все творчество самого Пушкина, что он проводит тонкие параллели с венгерской поэзией (от классика 19 в. Вёрёшмарти до современника И. Бака) и с мировой литературой (Шекспир, Флобер и др.), создает уместные ассоциации с музыкой, изобразительным искусством и даже с кино, объемные аналогии с геометрией, медициной, техникой и т.д., – все это, можно сказать, уже "привычно" читателям работ М. Петера.

Импозантен даже в чисто количественном отношении труд автора: им проанализировано около трети пушкинского текста, репрезентирующей весь роман в целом. Это наиболее значимые в поэтико-смысловом отношении места романа, в том числе и почти все 2–4-строчия, ставшие крылатыми среди носителей русского языка.

Аналитический прием автора состоит в том, что вслед за выбранным для анализа куском текста он (в нужных случаях предлагая для контроля и свой "подстрочник") выявляет в первую очередь наиболее удавшие решения четырех переводчиков, точно указывая и на филологические, стилистические или психологические причины отдельных неудач каждого из них. При этом, стоя на высоте современной науки, он одновременно и максимально толерантен: ошибки перевода он всегда соотносит со стилистикой эпохи переводчика. В то же время небезынтересны и его "сегодняшние" замечания, сделанные как бы "в сторону", напр. о диалоге, который "вполне мог бы звучать и в каком-нибудь бистро наших дней", о "honvédségi konnotáció" (т.е. современной венгерской армейской коннотации) слова *бригадир* в одном из перево-

дов, о причине неприятия перевода *pozloslovitъ* как *megbírál* 'покрытиковать' поколением, знакомым с явлением критики-самокритики и т.д.

Ограниченное пространство рецензии, к сожалению, не позволяет нам углубиться в конкретные места книги (а ведь, как говорится, правда, обычно в пейоративном смысле, дьявола можно обнаружить как раз в деталях), из разнообразного множества которых и состоит не только замечательное богатство частных наблюдений, но строится и цельная концепция теории художественного перевода автора. Мы можем лишь бегло перечислить такие, лично нам более всего запомнившиеся кусочки анализа переводческих находок, как при изображении душевного состояния Онегина и Татьяны (в первую и последнюю встречи), сходства и различия в двух письмах, голоса поэта (темы смерти, поэзии и др.), деревенского пейзажа, звукописи, афористичности стиля и т.д.

В книге, посвященной этому "четверному зеркалу", вдумчивый читатель обнаруживает и пятое: в нем сам профессор М. Петер проявляется как русист-polihisztor, как подлинный интеллигент глубокой культуры и просто как мудрый человек.

Его новая монография, подытоживающая почти сорокалетние наблюдения над этим благородным материалом – одновременно большой научный труд и увлекательное профессиональное чтение.

Жаль, что в резюме (на русском и английском языках) иностранный читатель весьма мало находит из результатов самого анализа переводов, поскольку здесь указываются в основном лишь как бы внешние темы отдельных глав.

Нам кажется: книгу безусловно обогатил бы именной и предметный указатель, включающий и имена персонажей, топонимы, основные филологические термины и т.д.

Монография профессора Михая Петера о венгерских переводах "Евгения Онегина" – достойный подарок нашей русистики к 200-летию родоначальника русской литературы.

Иштван Феньвешу
(*Fenyvesi István, H-6726 Szeged, Fésű u. 3/B*)

Károly Gadányi – Viktor Moiseenko, Ruski leksik u hrvatskom jeziku. Szombathely: A Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola Szláv Filológiai Tanszékcsoportja, 1999, 77 p.

В позапрошлом году вышла в свет работа на хорватском языке Кароя Гадани и Виктора Моисеенко под названием *Ruski leksik u hrvatskom jeziku*. Эта публикация является словотолкователем. Как пишут ав-

торы в своем предисловии, она знакомит читателя с описательным составом русских слов, наиболее часто встречающихся в хорватских письменных контекстах.

В 1975 году был издан третий том истории русского языка Валентина Кипарски под названием "Entwicklung des Wortschatzes" (Kiparsky 1975), третий раздел которого представляет исследование в области заимствований русского языка. Эту работу справедливо можно поставить в пример всем, кто желает опубликовать результаты своих исследований в области заимствованных слов. Раздел состоит из двух частей: в первой части представлены заимствования допетровского времени, а в другой – заимствования петровского и послепетровского времени. Автор группирует заимствования с точки зрения их происхождения. В начале каждой подглавы он знакомит нас с условиями взаимовлияния данного народа с русским. После этого дается список заимствованных слов. На немецком языке приводится значение заглавного слова, дата его первого употребления, этимон и значение оригинальной лексемы.

Благодаря популярности ареальной лингвистики, в последнее время широко публикуются работы, изучающие фонетику, морфологию, лексику и синтаксис данных языков в территориальном и социолингвистическом аспектах. В Карпатском бассейне на венгерский состав слов оказали чрезвычайно большое влияние окружающие славянские языки. Этому влиянию посвящено огромное количество специальной литературы, далее мы укажем только на некоторые из них.

В 1989 году в Будапеште был напечатан сборник научных статей под названием "Nyelvünk a Duna-tájon", который состоит из нескольких публикаций о соотношении венгерского и славянских языков. Ференц Грегор писал о венгерско-словацких языковых связях (Gregor 1989), Иштван Ньюмаркаи – о венгерско-сербохорватском (Nyomárkai 1989), а Шандор Рот – о венгерско-украинском языковом взаимодействии (Rot 1989). В этих статьях рассматриваются все уровни изученных языков и учитываются их историко-лингвистические аспекты.

Не в очень большой степени, но и венгерская лексика влияла на окружающие славянские языки. В 1985 году было издано произведение Л. Хадровича на немецком языке под названием "Ungarische Elemente im Serbokroatischen" (Hadrovics 1985). В этой работе автор подробно описывает влияние венгерского языка на сербский и хорватский на всех уровнях.

Ференц Грегор (Gregor 1993) написал работу и о венгерских элементах словацкого языка. В этой публикации говорится об исторических условиях, о фонетических, морфологических и словообразовательных проблемах. К работе прилагается и словник заимствованных венгерских лексем, в который включены и этимологические примечания.

В 1996 году вышла в свет публикация А. Холлоша (Hollós 1996) о венгерских элементах русского словаря. Во введении рассматриваются общие закономерности лексических заимствований, в плане соотношения венгерского и русского языков в историческом аспекте. Большую часть работы составляет словник заимствованных венгерских слов с этимологическими примечаниями.

Наконец, в позапрошлом году была издана работа Вяслава Витковски (Witkowski 1999), которая является словарем польских заимствований в русском языке. После заглавного слова дается польский этимон, если известно, дата первого его появления, и, кроме этого, автор указывает на специальную литературу, в которой он нашел связанные с данной лексемой сведения.

Эти публикации занимаются взаимовлиянием языков, которые, благодаря их соседству, находятся в непосредственном взаимоотношении друг с другом. Работа Кароя Гадани и Виктора Моисеенко оказывается особой потому, что она рассматривает связь языков, которые непосредственно – из-за географических условий – не влияли друг на друга.

Рецензируемый словарь содержит приблизительно 1300 заглавных слов, из них около 140 являются именами собственными, не включая сюда названия разных народностей и их представителей, как напр. *Čerkez*, *Čerkeskinja* или *Karakalpak*, *Karakalpakinja*, несмотря на то, что согласно хорватской орфографии они считаются именами собственными. Русизмы перечислены в алфавитном порядке. Наряду с лексическими единицами приводятся и возможные варианты (напр. *Kremalj* и *Kremlj*, *valjenke* и *valenki*, *objem* и *objam*). В том случае, если форма данной лексемы с фонетической точки зрения в большей мере отличается от русского оригинала, авторы в круглых скобках отмечают и русскую форму, напр. *uštrb* – (rus. *uščerb*) или *vaseljena* – (crkv.-slav. i rus. *vseleňnaja*). После этого следует краткое толкование на хорватском языке и – если нужно – стилистические пометы. К словнику прилагается краткий список условных сокращений.

Введение написано на русском и хорватском языках. В нем пишется о том, каким образом оказала влияние русская лексика на хорватскую, и, с другой стороны, где встречаются элементы русской лексики в хорватской письменности. Авторы сделали вывод и о том, слова какого типа в первую очередь проникли в хорватский язык.

Зафиксированы многочисленные собственные имена:

– слова, отражающие важнейшие события русской и советской истории (*Krasnyj oktjabr*, *Staljingradska bitka*),

– слова, отражающие важнейшие имена русской истории (*Čarajev*, *Dolgoruki*, *Lžedimitrij*, *Potemkin*, *Romanovi*, *Rasputin*),

– географические названия (*Čečnja, Dnjestar, Kavkaz, Njižni Novgorod, Sibir*),

– имена персонажей русского фольклора (*Koščeј Besmrtni, Sadko, Vasilisa Prekrasna, Zoluška*),

– имена персонажей произведений русских и советских писателей (*Bender Ostap, Raskolnjikov*).

Кроме этого встречаются:

– элементы русского просторечия и городского жаргона (*bespredel, glubinka, jerunda, nalička, razborka, rusak*),

– наиболее частотные сложно-сокращенные слова и аббревиатуры (*Čeka, detdom, fabzavkom, gorsovjet, goslitizdat, kolhoz, Komsomol, medsestra, proletkult, sovhoz*),

– название редких животных и эндемичных растений (*kabarga, maral, rosomaha, sajgak, semga, tur; arbuz, zveroboj*),

– выражения, отражающие культурные традиции и бытовой уклад народностей России (*arkan, čum, jermolka, kuntus, kubanka, kabardinka*),

– музыкальные выражения (*bajan, balalajka, bandura, baraban, duda, svirelj*),

– названия разных фирменных блюд (*boršč, botvinja, galuška, kulebjaka, kulič, šči, vatrúška, vobla*),

– армейские выражения (*dozor, jeger, jefrejtor, kirasir, kiver, lejbgvardija, podporučnik, podpraporščik, rotmistr*),

– разные народные выражения (*batjuška, balanda, kutja, kuleš, larjok, magarič*),

– слова, связанные с религией (*ad, bogoiskatelj, govenje, jeretik, jesaul, Pasha, raskoljnik*),

– историзмы (*batog, berdiš, barščina, dijak, desjatina, groš, katorga, klobuk, pomestje, raskol, samozvanac, zaporožac*),

– лингвистические термины (*akanje, cokanje, ižica, polnoglasije, slovar, imeniteljni, roditeljni, tvoriteljni*).

Среди русизмов встречаются слова, которые употребляются в церковнославянском языке, как напр. *crnorizac, lanita, miropomazanje, mošti, nastojatelj, obje, obred, opštežitije, pamjat, povinovati se, preispodnji, rab, Uspeenje Bogorodičino, vasseljena, vaspitanje, Vavedenje, Vaznesenje, velikodušan, vražda, zavjestanje*. Встречаются и старославянизмы в запасе слов, заимствованных из русского языка: *bukvalan, čarodej, čislo, čuvstvo, družba, hodataj, junoša, luča, podnebesje, prelest, znamenatelj, žitije* и т.д.

Как отмечают авторы в предисловии, эта публикация не обращает внимания на лексику «русского мата», т.е. русской нецензурной речи, но дает довольно полный список новейших словарей и другой литературы по этой тематике.

Собирание русских заимствованных слов и так называемых «лексических метеоритов» не является простой и прельщающей постановочными результатами задачей, с одной стороны, потому, что оно потребует рассмотрения огромного количества письменного материала, а, с другой стороны, потому, что при его исследовании могут возникнуть разные проблемы, как на это указали и авторы.

Первая проблема заключается в том, что речь идет о близкородственных славянских языках, между которыми посредниками могли быть также славянские языки, поэтому очень трудно отделить действительные русизмы. Авторы дают объемистую и подробную библиографию по поводу проблем атрибуции собственно заимствованных русизмов в ткани других славянских языков и дифференциации неологизмов-русизмов в первую очередь от церковнославянизмов. Тот, кто более углубленно желает изучать эти проблемы, может использовать ее.

Следующей проблемой является то, что, как и пишут авторы, по отношению к некоторым словам, отражающим культурные традиции и бытовой уклад неславянских народностей России, этимологическое значение «русизм» оказывается в определенной степени условным. Однако, они сначала грамматически и семантически адаптировались в русском языке и только после этого вошли в хорватский запас слов.

Эта работа носит в первую очередь социолингвистический характер, но она может служить основой и дальнейших исследований. Интересно было бы, например, рассматривать этот материал с диахронической точки зрения, обращая особое внимание на собственное происхождение вышеупомянутых слов. В некоторых случаях в этом словнике дается источник заимствований данного русизма (напр. *tundra* – финского происхождения или *tarpan* – монгольского); полезно было бы, следовательно, приложить ко всем русизмам, которые не являются исконными, заметку о том, какого они происхождения, если это известно. Если бы русская лексика в хорватском языке подверглась историко-лингвистическому исследованию, желательно было бы установить дату первого употребления данных русизмов в хорватской письменности.

Рецензируемая публикация является результатом огромной научно-исследовательской работы. Авторы наряду с географическими и культурно-историческими критериями должны были принять во внимание и морфологические и фонетические критерии. Более старые русские заимствованные слова с точки зрения фонетики изменились вместе с исконными словами по правилам развития хорватского языка, а новейшие заимствования не участвовали в этих изменениях. Наверно, не было простой задачей и отделение хорватских русизмов от сербских.

Словник могут прочитать все, интересующиеся этим тонким слогом хорватского запаса слов. Большой заслугой публикации является и

обширная специальная литература по темам хорватской лексики и лексем русской нецензурной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Gregor, F. 1989, Magyar–szlovák nyelvi kapcsolatok. In: Balázs János (szerk.), *Nyelvünk a Duna-tájon*. Budapest, 141–196.
- Gregor, F. 1993, *A szlovák nyelv magyar elemeiből (Mutatványfüzet)*. Budapest.
- Hadrovics, L. 1985, *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*. Budapest.
- Hollós, A. 1996, *Az orosz szókincs magyar elemei*. Budapest.
- Kiparsky, V. 1975, *Russische historische Grammatik III: Entwicklung des Wortschatzes*. Heidelberg.
- Nyomárkay, I. 1989, A magyar és a szerbhorvát szókincs kapcsolata. In: Balázs János (szerk.), *Nyelvünk a Duna-tájon*. Budapest, 291–350.
- Rot, S. 1989, A magyar–ukrán nyelvi kölcsönhatás. In: Balázs János (szerk.), *Nyelvünk a Duna-tájon*. Budapest, 351–390.
- Witkowski, W. 1999, *Słownik zapożyczeń polskich języku rosyjskim*. Kraków.

Zita Шимон
(Simon Zita, SZTE, Szláv Filológiai Tanszék
H–6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Radoslav Večerka, Počátky slovanského spisovného jazyka. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 1999, 104 p.

Книга известного чешского слависта Радослава Вечерки посвящается изучению "зачатков" первого славянского литературного языка. Она является собранием научных статей Р. Вечерки по истории старославянской письменности и языка до конца XI века, написанных между 1963–1983 годами, опубликованных в различных специальных журналах, и, наконец, подготовленных к печати с помощью сотрудников Славянского института Чешской академии наук в Праге.

Возникновение письма и письменности у славян – это результат инициативы, которая возникла в начале 60-х годов IX века у великоморавского князя Ростислава. Его инициативу реализовал византийский царь Михаил III, который поручил солунским братьям Константину и Мефодию возглавить моравскую миссию, с которой было связано введение в письменность Великой Моравии домашнего славянского языка. Константин создал новое письмо, т.н. глаголицу, с помощью которой стало возможным распространение старославянских текстов в письменном виде. Старославянский язык был на самом деле диалектом болгаромакедонского населения, жившего в окрестностях города Солуни. По-

скольку старославянский язык был очень близок языку жителей Моравии, он выполнял функцию литературного языка, представлял высокий слой местной речи. Из этих зачатков письменной образованности, в первый момент скромных, ограниченных во временном и территориальном отношениях, быстро развилось действительно историческое и эпохальное в международном масштабе культурное явление. Старославянский язык выступал в качестве литературного языка и функционировал в письменности еще при жизни Мефодия и в письменности более 200 лет в Чешском княжестве. Старославянский язык проник и в Хорватию, где после начальной фазы своего развития появился в средневековой письменности хорватских римско-католических священников (*glagoljaši*). Большинство учеников Мефодия, изгнанных из Моравии, нашло приют на Балканах, и здесь, на территории Первого болгарского царства, эта письменность пережила эпоху такого расцвета, что X век, по словам Шэфаржика, называется "золотым веком болгарской литературы". Болгарские литературные центры совершили огромную культурную иррадиацию в окружающий мир, так что старославянский язык распространился отсюда на запад, в Сербию и Боснию, а следующей волной в Хорватию, а также на север, в Киевскую Русь.

В течение двух веков из своих "зачатков" в Великой Моравии старославянский язык, таким образом, превратился в великий литературный язык большей части Европы.

Понятно, что наиболее ранний славянский литературный язык, как феномен международного значения, привлекает к себе специальное внимание от самых "зачатков" своего существования.

XX век внес в исследование старославянского языка значительное новшество в требовании изучать его с точки зрения функций, которые он был назначен выполнять как литературный язык. Этот постулат был категорически включен в тезисы Пражского лингвистического кружка к I-ому съезду славянских филологов в Праге 1929 г. и был реализован, главным образом, в работах русских (Н. Дурново, Н. Трубецкой, Р. Якобсон, С.Б. Бернштейн, А.С. Львов, Н. Толстой, Е.М. Верещагин и др.), чешских и словацких (Б. Хавранек, Й. Курц, А. Достал, К. Хоралек, Й. Бауер, Ф.В. Мареш, З. Хауптова, Е. Паулины, Е. Блахова, Й. Станислав и др.) исследователей и в работах других специалистов (Н. ван Вейк, Р. Ружичка, Х. Бирнбаум, Г. Шевелов, Е. Дограмаджиева и др.).

К этой же линии толкований относится и рецензируемая книга, которая имеет цель проследить, как функционировал старославянский язык в качестве литературного языка на чешской территории, прежде всего в Великоморавском государстве во второй половине IX века, и в Чехии Пржемысловых с конца IX до конца XI века. Зарисовка интерференции старославянского языка с отличающейся территориальной язы-

ковой средой в Первом болгарском царстве, в Киевской Руси и в старой Хорватии, а также различные способы его аккомодации в различных языковых ситуациях образуют контрастную картину развития на чешской территории в IX–XI вв. и вносят вклад в более пластичное постижение старославянского языка чешского и моравского типов в более широком славянском контексте.

Сборник состоит из трех глав: первая посвящена великоморавской эпохе, вторая исследует старославянский язык чешской, болгарской, русской и хорватской редакций. Последняя глава имеет название "Эволюционная динамика старославянской письменности и ее территориальная дифференциация до конца XI века". Она предлагает рассмотреть периодизацию старославянского языка.

В первой статье первой главы своей книги Р. Вечерка ставил перед собой задачу ответить на два вопроса, возникших в связи с двумя ценными памятниками великоморавской письменности (и первой славянской литературной школы) – Житием Константина и Житием Мефодия, а именно: 1. Принадлежат ли эти памятники одному и тому же автору? 2. Желало ли моравское посольство учителя, владеющего славянским языком по оригинальной версии Жития Константина?

Автор отвечает на первый вопрос бесспорно отрицательно. По его мнению большие стилистические различия между двумя житиями свидетельствуют о том, что они были написаны не одним и тем же автором. Свое мнение он обосновывает квантитативным и качественным сопоставлением библейских цитат, встречающихся в этих житиях. Что касается второго вопроса, Р. Вечерка успешно доказывает, что нельзя оставлять без внимания языковую мотивацию моравского посольства (что является характерным для некоторых тенденций, подчеркивающих историко-политические мотивы моравского посольства). С помощью литературно-композиционных, текстово-критических и историко-дипломатических аргументов автор указывает на то, что в первоначальной версии Жития Константина в просьбе моравского посольства читались следующие слова, подтверждающие значение языковой мотивации посольства: *оучителя не имамъ таково, иже ны би въ свои языкъ в истъль върж христьянскыя съказалъ...*

В остальных статьях первой главы автор характеризует наиболее древний славянский литературный язык: он показывает, какие существовали различия между языком жителей Моравии и старославянским языком; каковы были функции старославянского языка; как использовался этот язык в функции литургического языка и какая у него специфика. В дальнейшем Р. Вечерка исследует влияние греческого и латинского языков на первый литературный язык славян. Он подтверждает, что греческий язык значительно обогатил старославянский язык и способствовал

тому, чтобы этот последний стал одним из значительных языков средневековой культуры.

Во второй главе настоящего сборника автор прослеживает дальнейшее развитие старославянского языка на чешской, болгарской, русской и хорватской территориях. Замечательной является в этой главе сборника статья о великоморавских корнях старославянской письменной традиции в Чешском княжестве. Здесь Р. Вечерка пытается осветить чрезвычайно сложные и спорные вопросы предполагаемой преемственности старославянской письменности великоморавского и чешского типов. Картина старославянской письменности в Чешском государстве Пржемысловых остается неясной, значительно неполной и во многих отношениях спорной. Аргументация преемственности великоморавской и чешской письменности затрудняется и тем, что между исследователями нет единого мнения о датировании памятников чешского происхождения X века (напр., I-е и II-е старославянское житие Вячеслава, Канон св. Вячеславу, Житие св. Вита и т.д.). При решении вопроса, существовала ли непрерывность и последовательность между великоморавской и чешской ветвями старославянской письменности, Р. Вечерка принимает в расчет некоторые филологические факты, среди которых первое место занимает характер и тип церковнославянского языка, употребленного в Чехии. Для старославянской нормы моравского типа на чешской территории было характерно, что наиболее последовательно были в ней замещены моравские (или прачешские) рефлексy *c*, *z* на месте старославянских *tj/kt* и *dj*. Принципиальное значение для познания фонетической и грамматической стороны старославянского языка чешского типа имеют Пражские глаголические фрагменты, практически единый связный, хотя и краткий и поврежденный памятник, написанный оригинальным письмом чешско-церковнославянской литературы – глаголицей, и происходящий прямо из Чехии. Что касается фонетики, некоторые факты указывают на чешское происхождение памятника: последовательное *c* на месте общеславянского *tj*; *z* на месте *dj*; *ьu* на месте *skj*; последовательное *ь* на месте *ch* (после 3-й палатализации веллярных); непоследовательно сохраненная группа звуков *-dl-*; непоследовательное отсутствие эпентетического *s*; чередование окончаний *-ie* и *-im*. Из морфологических богемизмов можно привести как примеры форму род. п. ед. ч. местоимения I-го лица *me*, и форму твор. п. ед. ч. *-io-* основ на *-imь*.

С помощью анализа языковых фактов Пражских глаголических фрагментов, Глоссы Ягича, Киевских листов, Бесед Григория Великого, Первого старославянского жития Вячеслава, автор пришел к заключению, что основой старославянского языка чешского типа был старославянский язык великоморавской редакции. А это представляет собой и первое доказательство непрерывности церковнославянской письменной

традиции в Великой Моравии и Чешском княжестве. Второе языковое доказательство заключается уже не в старославянском, а в самом чешском языке: значительная часть чешской христианской терминологии от наиболее давних времен является общей в чешском и старославянском языках. Кроме этого, чешские собственные имена, как *Прокон*, *Климент*, *Димитр*, *Дмитр* и названия местностей, как *Цирквице*, *Цереквице*, отражают связь Чехии с культурной обстановкой Великой Моравии кирилло-мефодиевского периода. В дальнейшем Р. Вечерка представляет и некоторые литературные аргументы, свидетельствующие непрерывность старославянской письменности на чешской территории: чешско-старославянскую образованность связывает с великоморавской, вся ее культурная ориентация (как об этом свидетельствует наипространнейший памятник чешского происхождения X века Беседы Григория Великого) и конкретные текстовые факты подтверждают правильность предположения преемственности великоморавского и чешского типов старославянской письменности.

В конце своей статьи автор опровергает болгарские и хорватские теории происхождения чешско-старославянской образованности как теории не очень правдоподобные. Таким образом, Р. Вечерка, подводя итоги, утверждает, что приводимые им языковые и литературные аргументы представляют важные доказательства прямой непрерывности старославянской письменности на чешской территории от кирилло-мефодиевских "зачатков" до ее окончательного формирования в Сазавском монастыре в Чехии в конце XI века.

В функционально-стилистической оценке старославянского языка является чрезвычайно важным то обстоятельство, что этот наиболее старый славянский литературный язык был сперва везде на славянской территории принят как домашний, свой. Для Великой Моравии этот факт засвидетельствован уже в памятниках Житие Константина и Житие Мефодия, но позже он стал общим и для всего славянского средневековья и известен практически у всех славянских народов, у которых существовала старославянская и церковнославянская письменность. Р. Вечерка в отдельных статьях занимается изучением развития старославянского языка в Первом болгарском царстве, в Киевской Руси и в Хорватии. Он объясняет, каким способом включился старославянский язык в языковую реальность Первого болгарского царства, какое влияние оказал греческий язык на функционирование старославянского как литературного языка болгарского царства, далее он характеризует языковые нормы Преславского литературного центра. В связи с формированием русской редакции старославянского языка автор описывает специфику русизмов, которые встречаются на русской почве в старославянском языке (использование специфических графических знаков, фонетические и морфологи-

ческие свойства). Он обращает внимание на то, что языковая норма в Киевской Руси не была безупречно единой, в старых рукописях проявляется значительная языковая и графическая изменчивость, мотивированная как индивидуальностью писца, так и принадлежностью их говора к различным местным диалектам, их языковой образованностью и талантом, различными обычаями и предписаниями отдельных центров и скрипторий. Не были одинаковыми в отдельных памятниках характер и мера разных несистематических русизмов в фонетике и морфологии.

Наконец Р. Вечерка выясняет корни хорватской редакции церковнославянского языка. Несмотря на то, что почти до конца XI века нет письменных доказательств этой редакции, само существование славянской литургии и литературного языка на хорватской почве в X–XI вв. является бесспорным. Это подтверждается и блестящим развитием хорватского глаголического письма от XII века, которое было бы невозможно без предшествующей, сегодня скрытой литературной традиции. Р. Вечерка представляет происхождение старославянского языка хорватского типа и возникшую из него хорватскую редакцию церковнославянского языка компромиссно, как результат встречи и слияния двух культурных течений – одного, пришедшего с северо-запада, из Моравии через Паннонию (значит, из паннонского субтипа великоморавского старославянского языка через хорватскую сушу на юг и юго-восток), – а другого, более молодого, вышедшего из юго-западных частей тогдашнего болгарского государства и продвигалось вообще в западном направлении: на северо-запад по далматскому побережью и определенную часть хорватской территории достигло первично, а в остальной хорватской части действовало как сильный вторичный суперстрат. Хорватский тип старославянского языка возник бы на основе несистематического смешивания старославянского языка моравско-паннонской и болгарско-македонской редакций с живой хорватской народной речью.

Третья глава сборника посвящается проблемам периодизации старославянского языка. Картина его временных и территориальных различий в эпоху от 863 г. до конца XI века, как Р. Вечерка обрисовывает здесь, основывается в значительной мере на реконструированных фактах, поэтому ее действительность часто является только гипотетичной.

В развитии старославянского языка до конца XI века можно различить некоторые временные и территориальные ветви. Старославянский язык моравского типа представлял собой приспособление к предшествующему прастарославянскому языку моравской и паннонской среды. Результатом старославянского языка моравской редакции явились дальнейшие этапы развития четырех территориальных ветвей: чешская (и гипотетическая польская) как непрерывное и органическое продолжение старославянского языка моравской редакции, болгаро-македонская

(с двумя местными подтипами: преславским и охридским) и, очевидно, хорватская, которая окончательно оформилась только под влиянием более молодого литературного болгаро-македонского суперстрата. В действительности, всякое дальнейшее развитие старославянского языка происходило только из болгаро-македонского литературного субстрата.

Сборник статей пополнен библиографическим приложением, где имеются ссылки на специальную литературу, вышедшую после опубликования статей.

Книга Радослава Вечерки представляет собой отличное итоговое произведение о возникновении, распространении и дальнейшей судьбе первого литературного славянского языка. У ее автора, несомненно, чрезвычайно глубокие знания об истории старославянской письменности и языка. Книга отличается широким обзором, логической структурой статей, хорошим знанием как исторических и культурно-исторических, так и языковых фактов. В ней приведена значительная специальная литература по отдельным статьям и присовокуплен даже список новейших работ по данной тематике.

Настоящий сборник статей Радослава Вечерки может быть интересным и полезным не только для богемистов, но и для всех, кто изучает историческое развитие славянских языков.

Хенриетта Сурма
(*Szurma Henrietta, SZTE, Szláv Filológiai Tanszék*
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)